

УДК 316.653:323.1–054.72

DOI: 10.22394/2225-8272-2021-10-3-126-134

АНТОНЕНКО Наталья Викторовна, доктор исторических наук, профессор учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России», Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва),
e-mail: natalya.antonenko.70@mail.ru

САВОСЬКИН Александр Владимирович, соискатель кафедры истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл),
e-mail: grefent.brit@mail.ru

ANTONENKO N.V., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Educational and Scientific Center «New Russia. History of Post-Soviet Russia», Russian State University for the Humanities (Russian Federation, Moscow),
e-mail: natalya.antonenko.70@mail.ru

SAVOSKIN A.V., post-graduate student of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel),
e-mail: grefent.brit@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 20–30-е ГГ. XX ВЕКА И ЕЁ ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКИМИ ДЕЯТЕЛЯМИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

NATIONAL POLICY IN SOVIET RUSSIA IN THE 20-30S OF THE XX CENTURY AND ITS ASSESSMENT BY POLITICAL FIGURES OF RUSSIAN EMIGRATION

Аннотация. Целью статьи является изучение исторического опыта национальной политики в Советской России в проекции ее альтернатив, выдвигаемых со стороны эмигрировавших за рубеж противников советской власти. Подходы к решению национального вопроса выработывались советским руководством опытным путем и корректировались в зависимости от быстро менявшихся политических обстоятельств. Вместе с тем у эмигрантов, оторванных от реальной жизни в России, было достаточно времени на то, чтобы переосмыслить прошлое и заняться теорией национального вопроса. Несмотря на разное видение перспектив развития России, многие идеи эмигрантов (в модифицированном виде) со временем реализовались в национальной политике большевиков.

Ключевые слова: национальная политика в России, советская модель национальных отношений, политическая эмиграция, реше-

ние национального вопроса.

Abstract. The article examines the historical experience of national policy in Soviet Russia in the projection of its alternatives put forward by the opponents of the Soviet government who emigrated abroad. A mention should be made that the Soviet leadership developed he approaches to solve the national question and adjusted them according to the rapidly changing political circumstances. The study investigates the emigrants' ideas about the theory of the national question. Finally, the central point is that despite the different vision of the prospects for the development of Russia, Bolsheviks realized many of emigrants' ideas (in a modified form) in their national policy over time.

Keywords: national policy in Russia, Soviet model of national relations, political emigration, solution of the national question.

ВВЕДЕНИЕ

Россия исторически сложилась как многонациональное и поликонфессиональное государ-

ство, в котором межэтнические отношения традиционно играли ключевую роль. Многолетний опыт создания необходимых условий для проживания абсолютно разных, иногда, совершенно противоположных по культурным параметрам и религиозным верованиям народов дает возможность разрешать многие межнациональные конфликты внутри страны, опираясь на собственный опыт, сформировавшийся за века. Самым важным этапом формирования этого опыта является XX век, ставший периодом окончательного формирования системы национальной политики страны. Эта система является одним из важнейших аспектов политики России и на данный момент.

Мало стран в мире за последний век прошли через такие глобальные изменения, которые смогла пережить Россия. Несколько революций, которые приводили к радикальному изменению политического устройства государства, две мировые войны, внутренние и внешние локальные конфликты, приводившие к массовой эмиграции, – всё это влияло на развитие страны.

Вошедшая в историю практика российской государственной политики, в особенности в условиях XX века, характеризуется различными идеологическими и теоретическими моделями устройства национального государства и возможностями их реализации в различных социально-политических и экономических условиях. Важнейшими этапами в этом процессе стали 1917 и 1991 гг., в рамках которых коренным образом перестраивались характер, направление и развитие пространства российского общества, его государственная, социально-экономическая и политическая составляющие.

Надо начать с того, что серьезную эволюцию в разработке национальной политики претерпела сама партия большевиков, пришедшая к власти в октябре 1917 года. Национальная политика большевиков строилась на основных положениях их политической программы в области решения национального вопроса: признание равно-

правия наций и их права на самоопределение, отказ от политики ограничений или привилегий по национальному принципу, придание государственного статуса народам бывшей Российской империи в случае поддержки ими советской власти и т.д. Реализация этих программных положений осуществлялась в зависимости от сложившейся в стране политической ситуации.

Поначалу большевистским руководством национальный вопрос был отстранён под напором злободневных проблем, связанных с борьбой против сопротивляющегося «эксплуататорского класса» и наследием самодержавного строя. Только после окончания Гражданской войны национальные отношения заняли важное место в политике РКП (б). В 20-е годы их обсуждению были посвящены несколько партийных съездов, среди которых особую политическую роль сыграл XII съезд РКП (б). Развернувшиеся на съезде дискуссии по национальному вопросу четко разграничили позиции руководства страны и представителей республиканской политической верхушки. Осью обсуждаемых проблем стал вопрос о форме государственного устройства, способной оптимально отобразить модель национальных отношений в молодом Советском государстве.

Руководство страны активно лоббировало идею формирования унитарного государства, в которое входили бы автономные области и республики, на что, в свою очередь, региональные представители отвечали идеей создания федеративного союзного государства, каждая часть которого могла бы свободно и самостоятельно развиваться, без особенной оглядки на центральное руководство.

В первой четверти XX века идея формирования такого федеративного государства обладала большим количеством сторонников, заставляя представителей центральной власти, считаться с таким, возможным вариантом.

Одним из пунктов программы большевистской партии являлось достижение всеобщего равноправия. Активно проводилась работа в национальных регионах страны, направленная на повышение экономического благосостояния. Этнические территориальные формирования вовлекали в систему советской государственности, давая возможность стать частью единого социально-культурного пространства.

Это предполагало масштабные качественные изменения в жизни российских этносов и, безусловно, не могло не дать свои положительные результаты. В 20–30-е гг. руководством страны большое внимание уделялось проблемам национальных меньшинств, под которыми в общих чертах понимались части этнических общностей, проживавшие среди представителей других национальностей. Зачастую к национальным меньшинствам причислялись и малые народы. Эти локальные национальные группы, по инициативе властей, охватывались системной культурно-просветительской работой, в перспективе предполагалось их вовлечение в эпицентр экономической жизни. Важным направлением советской национальной политики являлась политика коренизации, сущностно выражавшаяся в расширении представительства коренных народов в сфере государственного управления. Ставилась цель расширить национальные кадры квалифицированных специалистов во всех областях профессиональной деятельности, в том числе среди управленческой элиты.

Создание в 1922 году СССР как союзного государства было важным, хорошо продуманным со стороны советского руководства шагом. В момент своего образования СССР виделся универсальной формой государства, способной, с одной стороны, создать условия для обеспечения сближения и слияния входящих в него народов, с другой – дать конструктивное решение национального вопроса в проекции общемирового развития. Таким образом, был фактически создан «союзный конструктор»,

способный (при благоприятных обстоятельствах) интегрировать в свое государственное пространство любой регион. Под модель союзного государства была заточена и национальная политика советской власти: «национальная по форме, социалистическая по содержанию», по существу, она выражалась в политике коренизации, государственной поддержке отдельных этнических групп, получении образования на родных языках, развитии национальных культур и т.д. Эта линия преваляровала вплоть до середины 1930-х годов, во второй половине 30-х на смену идеям равноправия культур многочисленных народов России и борьбы с великодержавным русским шовинизмом пришло продвижение русского народа на роль «главного», «старшего брата» [8, С. 93] в многонациональной советской семье, ценности интернационализма постепенно уступили место идеям государственности и великодержавности.

Национальная политика большевиков стала предметом пристального внимания всего мирового сообщества, в огромном пространстве которого после революционных событий 1917 года «растворились» миллионы русских эмигрантов несогласных с советским строем. Их представления о России и ее будущем принципиально расходились с мировоззрением лидеров большевизма и вызывали много вопросов. Первые экономические успехи большевиков заставляли противников советской власти задумываться о причинах устойчивости советского строя, в числе которых отмечались «правильные» меры советского руководства в области национальной политики.

На волне «позитивных» вестей из России образование СССР воспринималось многими соотечественниками как восстановление целостности государства, а неожиданные успехи в экономике вселяли надежду на «чудесное перерождение» большевистского режима.

Судьба России и некогда входивших в нее национальных окраин не осталась без внимания участников крупнейших эмигрантских

съездов – монархического съезда 1921 года в Бад-Рейхенгалле (Германия)¹ и Всемигрантского 1926 года в Париже². Съезд в Рейхенгалле продемонстрировал очевидные перемены в настроениях тех, кто еще не утратил надежду на возможность реставрации в России монархического режима, их националистическое кредо «Россия для русских» сменилось идеей «здорового национализма», сторонники монархии заговорили о национальном примирении, необходимости «воспитания национальной общественности» [6, С. 19]. Новое смысловое наполнение получила лоббируемая монархистами политика «русификации»: теперь она рассматривалась не как магистраль к культурной и языковой ассимиляции народов России, а как идейная сцепка нации, способствующая укреплению национального патриотизма, формированию однородной массы граждан в лингвистическом и административном отношении. Позиционируя себя «государственниками», монархисты фактически ставили знак равенства между политикой «русификации» и «государственным национализмом».

Как сторонники «Единой и неделимой России», монархисты не поддержали советскую национальную модель ни в форме РСФСР, ни в

форме СССР, поэтому считали своим долгом заняться поиском альтернативных конструктивных решений, наиболее приемлемых, с их точки зрения, для России. В монархических кругах русской эмиграции обсуждались три возможных формы государственного устройства: 1) реставрация разрушенной революцией и Гражданской войной империи; 2) единое государство с культурно-национальной автономией для отдельных входящих в него регионов; 3) унитарное государство с элементами федерации [2, С. 209].

Русский зарубежный съезд 1926 года в Париже состоялся уже после образования СССР и его признания ведущими мировыми державами. В этих обстоятельствах вопрос об альтернативных формах государственного устройства потерял свою актуальность, от безысходности монархические идеологи начали критическую атаку конструктивных основ советской государственности. «Большевики по отношению к России выступают как враждебная «внешняя сила»: они упразднили не только название страны, но и ее традиционную внутригосударственную структуру» [10, С. 514–515], – заявил в своем выступлении на съезде С. С. Ольденбург³. Он довольно жестко высказался о проводимой большевиками в отношении народов России политике интернационализма, предупреждал об опасности ее перерождения в политику регионального национализма.

Естественно, не все эмигрантские деятели так категорично оценивали происходящее в советской России, многие воздерживались от критики, брали дипломатическую паузу, чтобы всё обстоятельно переосмыслить и разобраться в происходящем. Образец российской госу-

¹ Рейхенгалльский съезд (Русский съезд промышленного восстановления России) состоялся 29 мая – 6 июня 1921 г. по инициативе Н. Е. Маркова (2-го). На съезде присутствовало 100 делегатов (в т.ч. из России), большинство из них (41 чел.) принадлежали к группе Н. Е. Маркова. Важнейшим итогом съезда считается объединение монархических сил русского беженства и создание Высшего монархического совета, которому должны были безусловно подчиняться все монархические организации.

² Российский (Русский) зарубежный съезд заседал в Париже 4–11 апреля 1926 г. в отеле «Мажестик». В его работе приняли участие до 400 делегатов из 26 стран мира, представлявших широкий спектр общественно-политических сил: сторонники монархии, Русский национальный комитет, торгово-промышленная группа, Союз инженеров, Союз русской молодежи, Студенческий союз, ряд других организаций. По идейным соображениям не пожелали участвовать в съезде группировки, враждебно относящиеся к мысли о «возглавлении» русского национального движения, вел. князем Николаем Николаевичем («легитимисты»), а также сторонники «возможной эволюции советской власти».

³ Ольденбург Сергей Сергеевич (1888–1940) – историк, публицист, участвовал в Белом движении. Эмигрировал в Турцию, затем жил в Германии, издавал газету «Грядущая Россия» (Берлин), сотрудничал в газетах «Возрождение», «Россия и славянство», ближайший соратник П. Б. Струве, деятель Национального комитета и Центрального объединения, лидер Народно-монархической партии конституционных монархистов, делегат Зарубежного съезда (1926).

дарственности, идеологами которого они являлись, внешне соответствовал создаваемому большевиками – сильное государство с мощным национальным ядром, почитающее культурные традиции и права своих народов. Однако в государственной структуре «эталонной модели», декларируемой эмигрантами, есть много важных несоответствий. В конструктивном решении национального вопроса эмигрантские теоретики синтезировали отечественный опыт, сообразуя его с реалиями времени. Основываясь на объективном подходе к делу, эмигрантские деятели не идеализировали «старую Россию». Их задачей являлось характеризовать Россию как «унитарное государство с ярко выраженной тенденцией к центризму, наковальню русификации», одновременно критике подвергались «басни самостийников» об ужасах царского подавления, подразумевая, что этот «порок» знаком и современной демократии.

В поисках приемлемой для России формы государственного устройства эмигранты обращались к европейскому опыту. «Россия является частью европейской семьи народов, – отмечал социолог, историк, правовед Н. С. Тимашев, – в основных учреждениях и юридических формах у этих народов больше общего, нежели разного и обособленного» [1, С. 147]. Раскрывая свою теорию, ученый ввел понятие «сложного государства» и его производные, которые выражались в трех формах: «унитарное государство с автономными провинциями», «союзное государство» и «союз государств». Данные формы Тимашев последовательно «примерял» на Россию, каждый раз дополняя свои выводы детальными комментариями. Например, он считал форму «союза государств» неуместной, аргументируя кратковременностью и неустойчивостью существования «облаченных» в нее государств: Германский союз 1815–1848 гг., Швеция до 1848 года, США до 1789 года исторически просуществовали недолго и завершили свой путь либо распа-

дом, либо деформацией развития [4, С. 97].

Н. С. Тимашев, как и многие эмигрантские теоретики, считал власть большевиков недолговечной, поэтому для него так важен был вопрос: как будет восстанавливаться свободная от большевиков Россия? В опубликованной в 1923 году статье «Центр и места в послереволюционной России» идеолог высказал предположение, что Россия будет постепенно превращаться в объединенное государство с рядом относительно автономных регионов [11]. То, в какую форму она облечется, Тимашев соотносил с вектором «институционализации», по его расчетам, формирование государства от центра к периферии должно привести к унитарной государственности, от периферии к центру – к союзной. Многонациональный состав населения России позволяет допустить, что административно-территориальное деление государства будет основываться на этническом принципе, структурной единицей которого являются территории «...с равной численностью населения, объединенные традициями исторического и экономического развития...» [12, С. 176].

Подходы Н. С. Тимашева к решению национального вопроса по многим параметрам совпадали с представлениями П. Н. Милюкова. Он не был ярким противником советской системы и даже со временем признал ее эффективность (в части административного управления) [5, С.157–158], однако в оценке формализации государственного устройства он был критически настроен и охарактеризовал РСФСР «странной федерацией», а СССР – «еще более странном союзом государств» [9, С.153]. Не ставя под сомнение тот факт, что советское государство «еще не последнее слово в истории российских национальных вопросов», Милюков стремился найти альтернативную траекторию развития России, соотнося с идеей правового строя и в её контексте с развитием прав национальностей. Свою позицию по национальному вопросу идеолог выразил на совещании членов Учреди-

тельного собрания в январе 1921 года: «Мы приняли принцип культурно-национальной автономии, признающей право национальности как целого для народностей внутренней России, и указали путь для организации наиболее численно и компактно живущих народностей в особые федеративные единицы, оградив в то же время, права национальных меньшинств» [7, С. 611–613].

П. Н. Милюков не брался предсказывать, как разрешится «болезненный» национальный вопрос, но в рамках своего мировоззрения отчетливо выделил силуэт будущей российской государственности. Он предположил, что такое государство включает в себя экономическую взаимосвязь между частями бывшей империи, внутреннюю целостность, предполагающую «ту или иную степень сближения русского ядра с частями, уже отделившимися», уважает права национальных меньшинств и гарантирует их соблюдение со стороны национального большинства, исключая насильственные методы в процессе государственного строительства [9, С. 154–155].

По мере укрепления позиций СССР идея федерации как формы государственного устройства России становилась всё более привлекательной для эмигрантов. Оказавшиеся за рубежом адепты социализма даже рассматривали федерацию как общемировую перспективу и мечтали о временах, когда повсеместное расширение и углубление демократизации общественных отношений позволит тотально внедрить принципы федерализма в практику мирового развития. Эта далеко идущая цель подкреплялась идеологами социализма самыми разнообразными теориями и предположениями. Приверженец кооперативного подхода к объяснению социально-экономических процессов в России В. М. Чернов применял его и к национальным отношениям. «Российская федерация» в возможной перспективе рассматривалась как «государственная кооперация национальностей», в рамках которой гарантируется

независимость входящих в состав федерации государственных образований, сохранение их самобытности. Чернов не видел серьезных препятствий для реализации такой модели в мировом масштабе при условии складывания благоприятных обстоятельств (установление социального равновесия между городом и деревней, «выравнивание развития стран индустриальных и земледельческих, наций развитых и отсталых») [14].

Швейцария, по мнению В. М. Чернова, является идеальным примером федерации. Государство, где «под сенью единой нации» на протяжении многих веков мирно сожительствовали итальянцы, немцы, французы, представители других национальностей [3, С. 4]. Швейцарскую модель федерации идеолог противопоставлял советской, «крайне несовершенной» в силу слишком стремительного формирования. В. М. Чернов был убежден, что союзное государство с централизованной и бюрократизированной управленческой системой носит декларативный характер и ни в какой мере не соотносится с федерализмом. Анализируя данное утверждение, он предвещал перерождение СССР в конфедерацию независимых государств в составе Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Узбекистана, Туркменистана и, возможно, Кавказа [13, С. 11].

История доказала несостоятельность многих предположений эмигрантов, однако некоторые выдвигаемые ими идеи со временем довольно эффективно реализовались в национальной политике СССР. В самом названии – Союз Советских Социалистических Республик – подчеркивалось, что государство не включает в себя только этнических русских, в нем одинаково соблюдаются права всех объединившихся народов, и этим подчеркивается, что Союз учрежден как политическое объединение паритетных наций. Идеологической скрепой национального развития на этапе образования СССР выступала идея «местного национализма».

Советское руководство опасалось, что отрицание значимости местных культур будет восприниматься многонациональным населением страны как продолжение великодержавного русского национализма и колониализма и повлечет за собой череду новых антикоммунистических восстаний. Именно поэтому большевики решили поддержать национализм меньшинств в противовес великодержавному русскому национализму. Политически это выразилось в курсе на преодоление отсталости малых этнических групп, ускорении их культурного и социально-экономического развития. Направленная на активное развитие национальных территорий политика успешно реализовала ряд поставленных перед ней задач – привела к расширению прав этнических меньшинств, резкому подъему их социокультурного уровня, формированию кадров национальной интеллигенции, их активному включению в сферу регионального и государственного управления [15, С.100–123]. Но уже к середине 1930-х годов политика «национального протекционизма» накопила множество негативных тенденций, которые, вопреки ожиданиям центра, обернулись ростом антисоветских и антирусских настроений на местах. Сложившаяся ситуация заставила сталинское руководство провести ревизию идеологии национального вопроса. Такое указание способствовало изменению направления национальной политики в сторону «великодержавного русского национализма».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новая национальная политика выделяла ведущее место русского народа на идеологическом и культурном уровнях и предусматривала укрепление русского языка и русской культуры в национальных районах страны. На политическом уровне новый подход выразился в политике русификации и привел к резкой трансформации кадров в системе региональной власти, их замене этническими русскими. Для укрепления этнической базы в регионах началось активное переселение русских в национальные районы

страны, русские стали рассматриваться как этническая скрепа в многонациональной семье советского народа.

Библиография:

1. Адамович М.Н. С. Тимашев: русская тема // *Континент*. – № 120. – 2004. – № 2. Апрель – июнь. – С. 145-160.
2. Антоненко Н.В. Национальный вопрос в программах русской монархической эмиграции // *Новый исторический вестник*. – 2008. – № 1 (17). – С. 206-214.
3. Антоненко Н.В. Программы национально-государственного устройства России социалистических партий в эмиграции // *История государства и права*. – 2011. – № 6. – С. 4-7.
4. Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. – М., (б.и.) 2009. – 430 с.
5. Вандалковская М.Г. Прогнозы постбольшевистского устройства России в эмигрантской историографии (20–30-е гг. XX в.); *Институт российской истории Российской академии наук*. – М.; СПб.: *Институт Российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив*, 2015. – 239 с.
6. Двуглавый орёл. – 1921. – Вып. 13. – 1 (14) августа.
7. *Дневник П. Н. Милюкова. 1918–1921 гг.* – М.: *РОССПЭН*, 2004. – 847 с.
8. Каменских М.С. «Русский поворот» в национальной политике СССР начала 1930-х годов: оценки отечественной и зарубежной историографии // *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*. – 2019. – № 4. – С. 93-97.
9. Милюков П.Н. Национальный вопрос: (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). – М.: *Государственная публичная историческая библиотека России*, 2005. – 158 с.
10. *Российский зарубежный съезд. 1926. Париж: Документы и материалы*. – М.: *Русский путь*, 2006. – 848 с.

11. Тимашев Н.С. Центр и места в послереволюционной России (К проблеме федеративного устройства России) // Крестьянская Россия. Сб. ст. по вопросам общественно-политическим и экономическим. – Прага, 1923. – V–VI. – С. 50.

12. Фёдорова М.С. Либерально-консервативное направление общественно-политической мысли русского зарубежья 20–40-х гг. XX в.: Дисс... канд. ист. наук. – М., 2003. – 238 с.

13. Чернов В.М. Пересмотр партийной программы (Доклад конференции П.С.-Р., состоявшейся в сентябре 1920 года) // Революционная Россия. – 1921. – № 3. – С. 8-11.

14. Чернов В.М. Марксизм и славянство: (К вопросу о внешней политике социализма). – Пг.: Издательство ЦК партии социалистов-революционеров, 1917. – 102 с.

15. Щербак А.Н., Болячевец Л.С., Платонова Е.С. История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 100-123.

References:

1. Adamovich M. (2004) N.S. Timashev: russkaya tema [N.S. Timashev: Russian theme] // Kontinent. – № 120. – № 2. April' – iyun'. – S.145-160. (In Russ.).

2. Antonenko N.V. (2008) Natsional'nyy vopros v programmakh russkoy monarkhicheskoy emigratsii [The national question in the programs of the Russian monarchist emigration] // Novyy istoricheskiy vestnik. – №1(17). – S. 206-214. (In Russ.).

3. Antonenko N.V. (2011) Programmy natsional'no-gosudarstvennogo ustroystva Rossii sotsialisticheskikh partiy v emigratsii [Programs of the national state structure of Russia of socialist parties in emigration] // Istoriya gosudarstva i prava. – № 6. – S.4-7. (In Russ.).

4. Vandalkovskaya M.G. (2009) Istoricheskaya mys' russkoy emigratsii [Historical thought of the Russian emigration]. 20 – 30-ye gg. – М., (b.i.). – 430s. (In Russ.).

5. Vandalkovskaya M.G. (2015) Prognozy postbol'shevistskogo ustroystva Rossii v emigrantskoy istoriografii (20 – 30-ye gg. XXv.) [Forecasts of the post-Bolshevik structure of Russia in the emigre historiography (20-30s of the twentieth century); Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]; Institut rossiyskoy istorii Rossiyskoy akademii nauk. – М.; SPb.: Institut Rossiyskoy istorii RAN; Tsentr gumanitarnykh initsiativ. – 239s. (In Russ.).

6. Dvuglavyy Orel [Two-headed Eagle]. – 1921. – Vyp. 13. 1(14) avgusta. (In Russ.).

7. Dnevnik P.N. Milyukova. 1918–1921gg. [PN's diary. Milyukov. 1918-1921]. – М.: ROSSPEN, 2004. – 847s. (In Russ.).

8. Kamenskikh M.S. (2019) «Russkiy povorot» v natsional'noy politike SSSR nachala 1930-kh godov: otsenki otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii [«Russian turn» in the national policy of the USSR in the early 1930s: assessments of domestic and foreign historiography] // Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra. – №4. – S.93–97. (In Russ.).

9. Milyukov P.N. (2005) Natsional'nyy vopros: (Proiskhozhdeniye natsional'nosti i natsional'nyye voprosy v Rossii) [National question: (Origin of nationality and national issues in Russia)]. – М.: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii. – 158s. (In Russ.).

10. Rossiyskiy Zarubezhnyy S"yezd. 1926. Parizh: Dokumenty i materialy [Russian Foreign Congress. 1926. Paris: Documents and Materials]. – М.: Russkiy put', 2006. – 848s. (In Russ.).

11. Timashev N.S. (1923) Tsentr i mesta v poslerevol'yutsionnoy Rossii (K probleme federativnogo ustroystva Rossii) [Center and Places in Post-Revolutionary Russia (On the Problem of the Federal Structure of Russia)] // Krest'yanskaya Rossiya. Sb. st. po voprosam obshchestvenno-politicheskim i ekonomicheskim. – Прага, V-VI. – S.50. (In Russ.).

12. Fedorova M.S. (2003) Liberal'no-konservativnoye napravleniye obshchestvenno-politicheskoy mysli russkogo zarubezh'ya 20–40-kh

gg. XXv. [The liberal-conservative direction of the socio-political thought of the Russian diaspora in the 20s - 40s. XX century]: Diss... kand. ist. nauk. – M. – 238s. (In Russ.).

13. Chernov V.M. (1921) Peresmotr partiynoy programmy (Doklad konferentsii P.S.-R., sostoyavsheysya v sentyabre 1920 goda) [Revision of the party program (Report of the P.S.-R. conference, held in September 1920)] // Revolyutsionnaya Rossiya. – № 3. – S.8–11. (In Russ.).

14. Chernov V.M. (1917) Marksizm i slavyanstvo: (K voprosu o vneshney politike sotsializma) [Marxism and Slavism: (On the Question of the Foreign Policy of Socialism)]. – Pg.: Izdatel'stvo TSK partii sotsialistov-revolutsionerov. – 102 s. (In Russ.).

15. Shcherbak A.N., Bolyachevets L.S., Platonova E.S. (2016) Istoriya sovetskoy natsional'noy politiki: kolebaniya mayatnika? [History of Soviet Ethnicity Policy: Swinging a Pendulum?] // Politicheskaya nauka. – №1. – S.100 – 123. (In Russ.).